

— В столицу держишь путь? — спросил наконец крестьянин.

Он уже битый час отвечал на расспросы беловолосого юноши и теперь, улучив момент, пока тот задумался, попытался вывести его дорогу, украдкой разглядывая незваного гостя.

В душной комнатке лачуги ютились трое. Помимо заговорившего мужчины за грубым столом сидели женщина и чумазый мальчишка. Все они то и дело косились на Харе.

Их так и подмывало узнать, кого он прячет на груди. Свёрток походил на младенца, но юноша оберегал свою ношу так ревностно, что не давал и мельком взглянуть. Да и сам гость явно не принадлежал к черни. Сперва, пока он стоял в дорожной грязи, этого было не разобрать, но стоило ему умыться, как наружу проступила холёная порода. Одежда из тончайшего шёлка, щедрая плата, благородная бледность — уж не сбежал ли этот неженка из какого-нибудь великого клана?

С собой у него точно припрятано немало золота.

Да даже если и нет — мордашка смазливая. Пусть слеп, зато кожа нежная, как лепесток. Такого деликатного мальчишку с руками оторвут за хорошую цену в весёлом квартале.

Пользуясь слепотой Харе, хозяева лачуги отбросили всякий стыд. Их взгляды сделались откровенно хищными, полными плотоядной жадности. Руки у них так и чесались обобрать неженку до нитки.

В эти беспокойные времена, когда по округе рыскали проклятые твари, люди отсюда давно бежали или сгинули. Но эта семейка осталась — слишком уж близко к дому проходил торговый тракт.

Наивный барчук и не подозревал, что этот дом разбойники прибрали к рукам силой, устроив ловушку для случайных путников. Буквально перед его приходом они зарезали проезжих купцов — их тела до сих пор гнили в подполе, а тут на порог сама пожаловала овечка пожирнее.

Малыш Сукуна, укрытый в складках одежды Харе, выставил из прорези рукава лишь пару глаз. Он безучастно разглядывал подельников, в душе холодно усмехаясь.

«Кучка недоумков. Даже грабить толком не умеют. На тропинке к колодцу до сих пор кровь не замыли. Только и способны, что обвести вокруг пальца этого странного слепца»

С мыслями о том, стоит ли предупредить слепца, крошка Сукуна нахмурился, но тут же отбросил эту глупость.

«С какой стати? Он сам меня поймал. Если эти олухи прирежут его, я просто сбегу. Кто знает,

может, этот паршивец держит меня ради выкупа, чтобы продать подороже бывшей семейке?»

В душной комнатке каждый думал о своём, но Харе, пожалуй, волновался меньше всех.

Обычные люди, лишённые проклятой энергии, оставались для него невидимыми, зато запах свежей крови он чуял отлично. Едва переступив порог, Харе понял, что эти хозяева далеки от мирных пахарей, но попросту не придавал значения такой мелочи.

Услышав вопрос хозяина, он на мгновение задумался, а затем покачал головой:

— Вообще-то собирался, но планы изменились.

В Хэйан-кё сейчас не было тех, кого он искал. Тот, кто был ему нужен, сидел прямо сейчас у него под боком — дикий, ободранный волчонок. Тащить его в людные места в таком виде казалось глупостью.

Харе ещё не решил, что делать дальше. Рядом звякнула посуда, и раздался приторный женский голосок:

— Ах, господин, куда вам торопиться? Откушайте сначала, угощайтесь!

Баба подмигнула мужу. Тот подобострастно заулыбался, со скрипом поднялся и потянулся к чарке Харе:

— И то верно, заболтались мы совсем. Отведайте-ка нашего домашнего вина, господин!

Почуввав резкий сивушный запах, Харе едва заметно поморщился и отпрянул. Повернувшись на голоса, он мягко произнёс:

— Уважаемые, не могли бы вы оставить нас на пару минут? Мой... э-э, мой ребёнок дичится чужих. При посторонних он есть не станет.

На слове «ребёнок» он слегка запнулся. Малыш Сукуна, услышав это определение, яростно заворочался под одеждой, выражая крайнее недовольство.

Приторные ухмылки на лицах супругов погасли. Они переглянулись, решая глазами, не пора ли прямо сейчас пустить в ход ножи.

Не дождавшись ответа, Харе запустил руку под пояс, достал тонкий золотой лист и небрежно опустил на стол. Лица разбойников мгновенно просияли. Сцапав добычу, они поспешили вон, заискивающе прикрыв за собой дверь:

— Приятного аппетита, молодой господин, кушайте на здоровье!

Но едва оказавшись во дворе, они сбросили маски и зашагали к кухне — обсуждать детали, оставив мальчишку караулить у входа.

Убедившись, что шаги затихли, Харе нащупал лицо Сукуны и принялся разматывать повязку:

— Ну всё, поешь спокойно. Только води себя прилично и не смей меня кусать...

Договорить он не успел. Маленькие, но на редкость острые зубы с хрустом сомкнулись на его пальце, прокусив кожу до мяса. От резкой боли Харе даже зашипел.

— Ах ты, паршивец мелкий! — Харе с трудом вырвал палец, чувствуя, как внутри закипает злость. — Только попробуй проглотить мою кровь!

Но крошка Сукуна, обожавший делать всё наперекор, с ледяным выражением на мордашке демонстративно сделал глоток. Все четыре его глаза восторженно вспыхнули.

«Как вкусно!»

Харе, ставший свидетелем этой неприкрытой наглости, лишь покачал головой. Правду говорят: горбатого могила исправит. Каким несносным выродок зародился, таким и остался. Руки так и чесались его выпороть.

Мелкий негодник устался на ладонь Харе, явно примеряясь, куда бы запустить клыки ещё раз. Тот поспешно отдернул руку,лизал ранку и, пошарив вслепую по столу, сунул мальчишке под нос жирную куриную голень:

— На, жри нормальную еду, прорва!

В диком лесу выбирать не приходилось, но сейчас-то перед ним ломился целый стол!

Аппетитная, лоснящаяся жиром ножка так и просилась в рот, но Сукуна лишь брезгливо зыркнул на угощение и отвернул мордочку.

У Харе от этой неожиданной педагогики уже голова шла кругом.

— Капризничать вздумал? Будешь воротить нос от еды — останешься недомерком, — вздохнул он. Водрузив упрямца к себе на колени, он крепко зафиксировал его одной рукой, а второй настойчиво ткнул курицей ему в губы. — А ведь тебе суждено вымахать под два метра, знал об этом?

Сукуна, которому сидеть на чужих коленях было крайне не по душе, сердито скрестил все четыре руки на груди. Он удивлённо повернул голову, и в его четырёх глазах застыл немой вопрос: «Ты-то откуда знаешь?»

Глядя на эти удивлённо округлившиеся глазенки, Харе мысленно растрогался, а в его голове созрел коварный план.

— Кхм, — он прочистил горло, стёр с лица улыбку и заговорщически прошептал: — Вообще-то, глупыш, я твой госпо...

— Мадам, — перебил его тихий, сиплый голосок. Он был совсем крошечным, но прозвучал на удивление сурово и грозно.

— Что?! — Харе от неожиданности подпрыгнул на месте, а его щёки густо залил румянец. — Какая к чёрту... ч-чушь! С чего ты взял, что я твоя...

Отчаянно пытаясь оправдаться, он запутался в собственных словах и едва не прикусил язык.

Сукуна посмотрел на него как на умалишённого. Высокомерно вздёрнув подбородок, он мотнул головой в сторону кухни:

— Госпожа Эдахасу. Хозяйка самого крупного весёлого дома в городе. Они толкуют о том... чтобы продать тебя ей.

Было видно, что малец давно ни с кем не разговаривал. Слова давались ему с трудом, фразы выходили рваными, а пересохшее горло сипело, выдавая страшную жажду.

Харе застыл в замешательстве, не зная, чему поражаться больше: тому, что зверёныш умеет членораздельно говорить, или глубине его познаний. Мысли его унеслись куда-то не туда:

«Так вот почему он впился в мой палец. Ему просто хотелось пить»

С другой стороны, для ребёнка, брошенного выживать в глуши, опасность была делом обыденным. Жизнь быстро научила его подслушивать чужие разговоры и подмечать детали.

Харе всматривался сквозь вечную тьму в очертания этого крошечного тельца и невольно поджал губы. Жуткий, колющий недотрога — а на душе почему-то становилось тепло. До безумия хотелось прижать этого дикого волчонка к себе и обо всём забыть.

Сукуна уставился на него в ответ, но в его взгляде сквозило лишь нескрываемое презрение. Этот слепой великан казался ему редкостным недоумком.

Мальчик нахмурился, явно пожалев о том, что проболтался. На его лбу прорезалась сердитая складка:

— Так о чём ты там говорил?

— А, точно, — Харе с трудом вернулся к прерванной мысли. — Я говорил, что когда ты вырастешь, то станешь моим домашним питомцем. Понял?

Питомцем? Сукуна никогда не слышал этого слова и перевёл его буквально:

— Существом, которое балуют?

—... Ну, можно и так сказать.

Маленький наглец отвернулся и холодно процедил:

— Не хочу.

Вся эта глупая забота и привязанность казались ему чушью. В этом мире имеет значение лишь сила. Если ты достаточно силен, ты сам возьмёшь то, что пожелаешь.

Харе лишился дара речи.

«Ах ты, вредный сопляк! И зачем тогда спрашивал? Специально, чтобы умыть меня?!»

С досады он вгрызся зубами в остывающий окорочок. Сукуна тут же повернулся и ошарашенно оглядел Харе с ног до головы. Во взгляде его читалось: «Ты совсем идиот? Зачем ты это жрёшь?»

— Чего вылупился? — буркнул Харе и демонстративно оторвал зубами ещё кусок мяса.

— Там... отравы, — со злорадным предвкушением выплюнул мелкий чертёнок, ожидая увидеть, как слепец начнёт харкать кровью.

Но красивый беловолосый юноша преспокойно проглотил кусок и лишь беззаботно отмахнулся:

— Знаю я. Не пропадать же добру. Яд меня всё равно не убьёт, так что сначала набью брюхо...

Закончив фразу, он с глухим стуком повалился ничком на грязные доски. Сидевший на его

коленях пацан коршуном перелетел на соседний стул и устроился там на корточках, безучастно разглядывая поверженного великана.

Зелья разбойники всыпали с лихвой. Перед тем как окончательно провалиться в беспамятство, Харе уловил, как крошечный силуэт вспорхнул на подоконник. Напоследок Сукуна обернулся и одарил его ухмылкой.

Издевательской, сугубо бесовской ухмылкой.

«Сука...» — пронеслось в угасающем разуме Харе.

Сквозь открытую раму ворвался прохладный ветер. Услышав грохот, подельники, только что планировавшие его продажу, с ножами наголо ворвались в комнату. Обнаружив распростёртого без чувств изнеженного барчука, они довольно оскалились:

— Ха-ха, спекся голубчик! Вот теперь заживём! Хватай его, грузи в телегу, забираем остальной хабар и катим в город!

Когда Харе открыл глаза, вокруг покачивалось небо, а под спиной шуршало сено.

Телега мерно поскрипывала, копыта лошади выстукивали ровный ритм. По звуку колес он определил, что они уже выбрались на укатанный правительственный тракт.

Сухой травы под него набили щедро — видать, берегли товар от ушибов и ссадин, чтобы не сбивать цену. Разбойники то ли по глупости, то ли от излишней самоуверенности даже верёвку на него накинуть не догадались.

Вдыхая медовый аромат соломы и нежась в лучах полуденного солнца, Харе чувствовал себя вполне сносно. Эта поездка могла бы даже показаться приятной прогулкой, если бы не воспоминание об ухмылке мелкого паршивца. При одной мысли о ней зубы начинали скрипеть от злости.

— Мелкий гадёныш... — прошипел Харе, садясь в телегу.

Лошадь резко затормозила, колеса со скрежетом остановились.

— Твою мать, какого хера он очухался?! Я же говорил тебе, привяжи этого ублюдка!

— Да пошёл ты! Он слепой, куда он, блядь, денется с телеги?!

Ругаясь на чём свет стоит, подельники выхватили ножи. Харе «огляделся» по сторонам. Убедившись, что маленького негодника действительно нет рядом, он досадливо цыкнул. Небрежным жестом он вскинул ладонь — и из его пальцев соткались два уродливых проклятых духа с длинными, извивающимися щупальцами. Секунда — и похитители оказались намертво зажаты в их склизких тисках.

Поднятые в воздух неведомой силой, разбойники похолодели. До них запоздало дошло, что они нарвались на колдуна, владеющего чёрным искусством. Выронив оружие, они побледнели как смерть и взмолились о пощаде:

— Пощадите, господин! Мы не со зла, нужда заставила, пощадите!..

— Бес попутал, глаза наши ослепли! Сжальтесь, отпустите!..

— Тихо вы, раскричались, — лениво прервал их Харе. Устроившись по-турецки на соломе, он подпёр подбородок кулаком и, немного помолчав, спросил: — Мальчишку, что был со мной, видели?

— Мальчишку? Нет, господин, клянёмся, не видели! Когда мы вошли, вы были совсем один! — наперебой затараторили пленники.

«Ну разумеется. Сбежал, скользкий вьюн»

— И давно промышляете этим ремеслом?

— Что вы, господин, первый раз оступились! Бес попутал, клянёмся богами, больше никогда! — запричитали супруги, обливаясь вполне искренними слезами страха.

Харе прислушался, но так и не уловил присутствия третьего сообщника — того мальчишки, что караулил у двери. Он слегка повернул голову:

— А где ваш сын?

Причитания разбойников мгновенно стихли, в горле у них застрял ком.

Мальчишка вовсе не был их сыном. Обычный приبلудный сирота, которого они приручили побоями и держали для отвода глаз. Сегодня улов обещал быть богатым, и тащить лишний рот с собой они не планировали. Мальчишку попросту прирезали за ненадобностью перед уходом. Придёт нужда — найдут нового. Но кто же мог подумать, что этот слепой барчук поинтересуется его судьбой?

— К... к бабке уехал, в соседнюю деревню, — соврал мужик первое, что пришло на ум. Но Харе

уловил свежий запах крови и без труда догадался о судьбе несчастного.

Он брезгливо махнул рукой:

— Поезжайте дальше. Везите меня в город.

Проклятые духи опустили полуживых от страха разбойников прямо на козлы. Те лишь тупо выдохнули, а затем, мелко дрожа, схватились за вожжи. Задавать вопросы они не осмелились.

В городе Харе накопил гору снадобий, несколько комплектов детской одежды и, наконец, сочную жареную курицу, бережно завернутую в промасленный лист лотоса. После этого он приказал разбойникам повернуть обратно к их лесной лачуге.

Эти твари действовали наверняка: чтобы замести следы, они спалили дом дотла.

Сходя на землю, Харе всё ещё чувствовал едкий запах гари и тлеющих углей.

— Уважаемый... мы можем идти? — лебезя и заискивая, спросили разбойники. За эту дорогу они выплакали все слёзы, и теперь от страха у них подкашивались ноги.

Харе остановился и равнодушно бросил за спину:

— Сожрите их.

Раздался сочный хруст, и на чёрную землю брызнула горячая кровь.

Пока духи с чавканьем насыщались в стороне, Харе сделал несколько шагов к пепелищу и вдруг замер. Сквозь темноту он отчётливо уловил очертания крошечной, застывшей на месте фигурки.

На его лице невольно расплылась тёплая улыбка:

— Надо же... А ведь уверял, что ушёл насовсем. Всё-таки вернулся проведать меня?

Малыш Сукуна, который как раз ворошил палкой угли, выискивая среди обгорелых трупов кости Харе, угрюмо промолчал.